

© 1992 г.

ПЛОТНИКОВА А. А.

ПОЛЬСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Работы польских лингвистов в области диалектной лексикографии заслуживают пристального внимания славистов. Польская диалектная лексикография, как и двадцать лет назад (о достижениях польской диалектологии, включая лексикографию и лингвогеографию 50—60-х годов см. обзор С. М. Толстой [1]), занимает в современной славянской диалектной лексикографии ведущее положение. Это обусловлено как фундаментальным изучением польской диалектной лексики, ранее связанным с именами Я. Карловича, К. Нича, М. Малэцкого, так и постоянным концептуальным совершенствованием задач, выдвигаемых польскими лингвистами. Методологические достижения польской диалектной лексикографии в рамках славянских традиций касаются прежде всего комплексного подхода к явлениям языковой народной культуры: материал исследуется в плане двух взаимодополняющих дисциплин — лингвистики и этнографии. Общая модель развития славянской диалектологии и этнографии в XIX—XX вв. известна: сначала эти дисциплины существовали в рамках одной науки — этнографии, к концу XIX в. диалектология вычленилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина, а сейчас, по всей видимости, происходит их сближение [2], которое во многом связано с освоением методов лингвистического и этнографического картографирования [3]. Кроме того, изучение диалектов в Польше опиралось на историко-этнографический подход к членению диалектной зоны [4], что в русском языкознании соответствует несколько забытым сегодня принципам работ Д. К. Зеленина и А. А. Шахматова.

Огромное значение для польской и славянской диалектной лексикографии в целом имеет создание фундаментального «Словаря польских говоров» (далее — SGP), выходящего с 1979 года (в 1979—1982 гг. были изданы три выпуска первого тома, в 1983 г. — три выпуска второго тома, а недавно вышел первый выпуск третьего тома). Появление сводного словаря по польской региональной лексике, обладающего ценным лексикографическим аппаратом, стало возможным на основе предварительного описания ее с помощью целого ряда лингвистических атласов, в первую очередь Малого атласа польских говоров (1957—1970). Высокая степень изученности ареальной сетки польской диалектной зоны, особенно пяти достаточно компактных ее групп (кашубской, мазовецкой, великопольской, малопольской и силезской), достигнута совокупностью лингвогеографических и лексикографических работ разного типа. В результате географическая документация в SGP содержит сведения не только о месте фиксации какой-либо лексемы диалектного языка, но и об ареале распространения формы и значения диалектного слова, что не имеет пока аналогов в сводных описаниях диалектной лексики других славянских зон. Более того, в SGP находят отражение принципы этнографического карто-

графирования материала, развитая традиция которого прослеживается в Польше, начиная с работ К. Мошинского («Атлас народной культуры в Польше», 1934—1936) до сегодняшних дней («Польский этнографический атлас», 1964—1981; «Атлас языка и культуры Великопольши», 1978—1986).

В SGP в рамках описания одного значения слова выделяются различные локальные типы референта в соответствии с их этнографическими характеристиками, что достигается включением в словарную статью «подзначений» значения ¹: BARC («борть») в значении «место, где живут пчелы» имеет подзначения: а. «дупло или искусственно сделанное людьми отверстие в растущем дереве» и б. «улей из выделанного пня» [6, т. I, ч. 3, с. 388]. BARSZCZ в значении «суп на закваске» включает: а. «на закваске из муки»; б. «на свекольной закваске»; с. «на закваске из разных других овощей и фруктов», где α «из овощей» и β «из плодов»; d. «кислый суп из ячменной каши, гусиного мяса, грибов и овощей» [6, т. I, ч. 3, с. 405—406]. Так же оформлены некоторые термины духовной культуры, например, BOROWIEC в пятом значении имеет общее определение «по народным верованиям» и далее: а. «дух-покровитель леса» и б. «в прошлом землевладелец, чаще чуждого происхождения, продавшийся дьяволу при жизни, а после смерти пугающий людей в лесах, принадлежавших когда-то его владениям» [6, т. II, ч. 3, с. 384—385]. Градация на более узкие «подзначения», соответствующие различным экстралингвистическим характеристикам референта, снабжена географической документацией.

Разработанность лингвогеографической базы сводного словаря позволила решить важные проблемы, касающиеся состава лексики в словнике. Словник содержит все слова, общие с литературным языком, но ограниченные в своем территориальном распространении. Кроме того, «дифференциальность словаря имеет весьма широкие рамки...» [7, с. 93], поскольку критерием включения лексической единицы в словарь становится значимость соответствующей реалии в традиционной народной культуре. При работе над SGP М. Карась писал: «В словарь войдет вся терминологическая лексика, связанная с материальной и духовной культурой народа, например, *stodola* „овин“ [...], названия частей плуга, воза, народная терминология врачевания, астрономия, терминология религиозных культов и верований, хотя многие из этих слов принадлежат к литературному языку. Включение этой лексики в диалектный словарь имеет свои основания хотя бы потому, что она составляет главный пласт народного словарного запаса, игнорировать который было бы совсем нерационально» [7, с. 92]. Такой подход к объему словника определяет статус SGP как словаря «диалектного языка» в противопоставлении «литературному языку». Не менее важно, что в этом случае словник охватывает большой корпус лексики традиционной народной культуры.

Лексика традиционной материальной и духовной культуры народа требует в диалектном словаре соответствующей интерпретации: через полные, энциклопедические толкования и фольклорно-этнографический контекст. Необходимость для определенных категорий слов «подробных, описательных, нередко энциклопедического типа» толкований специаль-

¹ Прием включения подзначений (а, б) применяется не только в случае фиксации различных этнографических характеристик референта, но и для обозначения употреблений данного слова по отношению к разным сферам действительности, например, «о человеке», «о животных», «о растениях» и т. п., что предусмотрено в Проекте [5, с. 24].

но обговаривается в Проекте и Предисловии SGP [5, с. 24; 6, т. I, ч. 1, с. XLII—XLIII]. Обращение к этнокультурному контексту в иллюстрациях во многом связано с продолжением и развитием принципов сводного «Словаря польских говоров» Я. Карловича (1904—1911), где цитирование этнографических источников было основополагающим в трактовке диалектных слов. Несмотря на все недостатки словаря Я. Карловича в плане лингвистического изучения диалектов (см. рецензию К. Нича [8]), использование фольклорно-этнографического контекста в диалектном словаре оказалось очень перспективным. Особенно это касается терминологии духовной культуры народа.

В SGP можно выделить два типа слов, в иллюстрациях к которым дается фольклорно-этнографический контекст: 1) диалектные слова, которые не существуют вне такого контекста, т. е. слова языка фольклора и названия демонологических персонажей, обрядов и обычаев (или их частей — действий, субъектов действий, специфических предметов); 2) диалектные слова, которые обозначают привычные реалии быта и окружающей природы, но в народном сознании связанные с верованиями, магией, поверьями и пр. Примером первого случая может служить иллюстрация к названию участника карнавальных игр: «BARTOSZEK [...]». Парии вытворяют разные проделки. Так, один наряжается в осла..., ему на плечи садится другой маленький паренек как всадник; его же некоторые и называют *Bartoszek*» [6, т. I, ч. 3, с. 409—410]. В качестве примера контекста слов второго типа приведем часть словарной статьи с заглавным словом, обозначающим растение: «BARWINEK [...] Барвиннок... используется для украшений... Немного барвинка, божьего деревца... добавляется к соли, которую подмешивают в кусочек сыра... и накануне праздника св. Яна Крестителя дают овцам лизать... Вymоченный барвиннок употребляется против колтуна» [6, т. I, ч. 3, с. 411—412].

В тех случаях, где имеется опосредованное отношение слова к терминологии духовной культуры, включая растительный, животный «коды» (о терминологии духовной культуры см. [9]), указание на существование функций референта в сфере духовной культуры (корректирующее и влияющее на восприятие знака в целом) не может быть обязательным для диалектного словаря, но с точки зрения этнолингвистических исследований оно очень желательно. Наиболее полно и последовательно этот подход воплощен в словарях Б. Сыхты, выделяющего фольклорно-этнографическую интерпретацию всех категорий слов в качестве цели диалектного словаря.

Круг теоретических вопросов, связанных с SGP, находит отражение в региональных словарях, изданных в Польше в последние десятилетия. Используются разные подходы к описанию региональной лексики. Особого внимания заслуживает стремление лексикографов к созданию полного словаря, но большинство работ характеризуется тенденцией к представлению лексики, которая в каком-либо отношении отличается от литературной, т. е. дифференциальной. В последнее время становится важным и то, насколько полно представлена в словаре традиционная лексика какого-либо языкового ареала².

При ориентации диалектного словаря на традиционную лексику края определяется хронологический аспект рассматриваемой в словаре лексики, т. е. достигается «разграничение традиционного и современного пласта

² Нельзя не отметить успешное осуществление идеи представления традиционной лексики в белорусском «Туровском словаре» (1982—1987).

тов, привычное для этнографии», что способствует «восприятию языка в широком и исторически определенном контексте, в его глубоких связях с конкретными формами быта, хозяйства и духовной культуры» [10].

Во многих современных польских диалектных словарях при отборе лексики для словника устанавливается критерий, который отражает типичные черты традиционной лексики. Х. Гурнович организует словник «Словаря мальборского диалекта» с точки зрения названий наиболее важных реалий в жизни селянина и ремесленника, а также названий, используемых ими в типичных ситуациях общения [11, ч. 1, с. VII]. В «Вармийском словаре» В. Стеффена применен дифференциальный принцип по отношению к общепольской лексике, хотя слова, устаревшие в современном польском языке, но живые в говоре, учитываются [12, с. VI]. «Словарь острудско-вармийско-мазурских говоров» (далее — SGOWM) задуман как словарь полного типа, но из словника исключается лексика, связанная с какими-либо новшествами быта и культуры; исходным является материал, записанный от людей старшего поколения [13, I, с. 37]. Помощью информаторов старшего поколения старался пользоваться В. Бжезинский, автор словаря одного из говоров Злотовского края, хотя и в этом словаре ставится цель — собрать полную лексику говора [14, I, с. XLII].

Отметим тем не менее возражение М. Карся по поводу концепции SGOWM: региональный словарь, по его мнению, должен быть «полным», без каких-либо ограничений в отношении новой лексики, тем более что ее фиксация впоследствии может оказаться ценной с точки зрения будущих изменений словарного состава и культурно-социального фона [15, с. 148].

В связи с региональными словарями встает вопрос о способе расположения заглавных слов. Изучение диалектной лексики неизбежно приводит исследователей к ее членению на группы или темы, соответствующие обозначаемым реалиям. На первых этапах сбора диалектной лексики часто создаются тематические вопросники, а окончательная презентация собранной региональной лексики может осуществляться в форме тематического (идеографического) ³ словаря.

Построение словаря по тематическому принципу способствует восприятию материала в этнокультурном аспекте. Выбор тем, их расстановка и членение сразу определяют направленность лексикографической работы на те или иные стороны традиционной народной культуры. В идеографическом (тематическом) диалектном словаре легко ориентироваться этнографу, историку культуры, фольклористу, этнолингвисту, поскольку во главу угла ставится содержание языкового материала, «реальный» план лексемы, а не формальный, как при алфавитном порядке. Уже само «предварительное» членение реальности на «темы», общие и частные «понятия» (Begriffe) предполагает опору на существующие материальные и духовные ценности народной жизни. Но вопрос полноты охвата тем, понятий и обозначающих их лексических единиц решается в каждом диалектном словаре по-своему.

Принципы создания идеографического словаря активно разрабатывались в западноевропейских традициях, прежде всего — в немецкой. Первые славянские идеографические диалектные словари появились в 50-х годах XX века в Польше (А. Заремба. «Лексика Неполомиц», 1954; М. Кудала. «Сравнительный словарь трех малопольских сел», 1957 ⁴). Но идея

³ Здесь и далее термины «тематический словарь» и «идеографический словарь» употребляются как синонимы.

⁴ Характеристику значительного в славистике словаря М. Кудалы см. в обзоре С. М. Толстой [1, с. 95—96].

понятийно-тематического членения исследуемой диалектной лексики оформилась здесь значительно раньше, вместе с работой над вопросником по сбору региональной лексики М. Малэцкого, К. Нича, Й. Тарнацкого (1933—1934) ⁵.

Примечательно, что исходной схемой тематического членения в диалектном словаре было этнографическое деление славянской культуры К. Мошинского. Применение его схемы к конкретному материалу вело к уточнению и модификации ее в соответствии с региональными особенностями жизни народа, а главное — с учетом степени отражения тех или иных сторон реальности в языке [16, с. 8—9] ⁶.

Тематический принцип членения диалектной лексики присущ серии работ под общим названием «Лексика Вармии и Мазур» (далее — SWM). Две последних монографии этой серии вышли в конце 70-х годов (С. Дубиш. «Названия растений в острудско-вармийско-мазурских говорах», 1977 [17]; Д. Барска-Антось. «Одежда», 1980 [18]). Весь труд, включающий двенадцать монографий разных авторов, издавался, начиная с 1958 года, под редакцией В. Доросhevского, а затем М. Шимчака. SWM занимает особое место в польской диалектографии, региональной лексикографии и картографии. Работы SWM отличает систематически проведенный принцип описания лексики в развернутых лингвистических статьях, имеющих все признаки словарных статей: заглавное слово, определение значения (с описанием неизвестной реалии), иллюстративный материал, географическую документацию. В статью включаются также статистические данные о частотности распространения слова на данной территории, сведения о заимствованиях, устаревших и новых лексемах, их отношении к общепольскому языку, обоснования этимологического характера.

В целом серия SWM может рассматриваться как словарь одного диалекта, близкий жанру идеографического словаря с членением на различных уровнях: глобальные аспекты или темы, которым посвящены монографии («Строительство», «Транспорт и коммуникации», «Скотоводство», «Ткачество», «Родственные связи. Общественная жизнь и профессии», «Народная астрономия, меры времени и метеорология», «Верования и обряды», «Земледелие», «Рыболовство», «Флора», «Одежда»), разделы или подтемы внутри монографий (в книге «Верования и обряды» четыре раздела: «Верования», «Обряды и народные празднества», «Богослужение и церковные праздники», «Литургическая терминология», где раздел, посвященный обрядам, имеет и внутреннее деление по характеру обрядов), словарные статьи. Для всей серии монографий SWM прослеживается приблизительно общий принцип построения самих словарных статей. 1) Каждая статья посвящена какому-либо «десигнату» (понятию, реалии) или нескольким близким по содержанию (или принципам номинации) «десигнатам» (например, «кум и кума» в подразделе «крестинные обряды», «теленки, ягненки, поросята, козленки» — тема «скотоводство», раздел «Размножение и названия молодняка домашних животных» и т. п.). 2) В заголовок словарной статьи выносятся наиболее общее (литературное или широко распространенное в диалекте) слово или выражение для

⁵ Небольшие локальные вопросники к некоторым тематическим группам лексики печатались еще на рубеже XIX—XX вв. в разных выпусках польского этнографического журнала «Люд» (Lud).

⁶ В последнее время во многих странах выходят идеографические диалектные словари, описывающие лексику различных ареалов современной Славии: словацкие словари («Лексика Новограда» Я. Матейчика, 1975 г. и «Понятийный словарь нижнотренчанских диалектов» И. Рипки, 1981 г.), «Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии» Э. И. Зелениной (1981) и другие.

обозначения «десигната», что с точки зрения «членения реальности» является поступком условным, хотя и немаловажным при ориентации читателя в материале. 3) В словарной статье анализируются различные диалектные названия «десигната», при этом в монографии, посвященной верованиям и обычаям, дается не только лингвистический анализ, но и многочисленные фольклорно-этнографические сведения, часто с фрагментами быличек и описаний обряда на языке диалекта (см. ZMORA, KŁOBUK, UPIÓR..., SWAT, ŚLUB, WESELE... и др. [19]). К интерпретации названий большинства «десигнатов» в исследованиях приложены карты. Картографирование слов и значений слов является одной из главных задач серии SWM.

Такой подход обеспечивает достаточно полный обзор традиционной лексики исследуемого ареала. Учитываются варианты названий, создается реальная возможность для подробного толкования их значений, адекватного описания соответствующих реалий и понятий, не исключаая значимых этнолингвистических подробностей. Все это подготовило надежную основу и для создания многотомного SGOWM по азбучному порядку.

Большинство современных польских диалектных словарей имеет традиционное расположение материала — алфавитное. Все более актуальным становится вопрос расширенного этнокультурного контекста в интерпретации диалектных слов, но заметим, что его поиск и прогнозирование с точки зрения сведений о референте («десигнате») в таких словарях значительно затрудняется. Существует несколько типов иллюстраций к традиционной лексике в современных славянских диалектных словарях: 1) фрагменты записей устных сообщений при полевом сборе материала; 2) цитаты из этнографических источников, описывающие какой-либо предмет или явление; 3) отрывки из произведений устного народного творчества и малые фольклорные жанры (пословицы, загадки, считалки и пр.), записанные от информаторов или взятые из печатных источников. Используются также иллюстративные материалы предшествующих словарей, если таковые существуют. Указанные типы иллюстраций различаются, в первую очередь, структурой текста, а с содержательной точки зрения каждый из них может представлять собой своеобразный «этнолингвистический фрагмент», раскрывающий как этнокультурный контекст функционирования трактуемой лексемы, так и лингвистические особенности употребления, сочетания и т. п. Характеристики этнокультурного контекста должны рассматриваться в зависимости от принадлежности заглавного слова к тому или иному разряду традиционной лексики.

Сам термин «контекст» все чаще появляется в качестве названия иллюстративной части словарной статьи в предисловиях к диалектным словарям. В. Бжезинский, определяя контекст как иллюстрацию значения и употребления слова, объясняет причины включения в словарь широких по объему информации записей устных сообщений: информаторы описывают используемые с давних лет орудия труда, рассказывают о старом образе жизни и ведении хозяйства. Все это признается автором существенными чертами той среды, которой служил и до сих пор служит представленный в словаре говор [14, I, с. XLVI—XLVII]. Традиционная лексика выступает в этих описаниях в своем естественном окружении и употреблении. Составители SGOWM подчеркивают свое стремление представить такие иллюстрации к заглавным словам, которые бы имели черты свободного повествования, тем более что ставится особая задача отразить исчезающую ныне исконную речь поляков данной территории [13, I, с. 61]. Х. Гурнович определяет самый «длинный» тип цитирования

в Мальборском словаре как «диалектный текст». Пятьдесят восемь текстов словаря «иллюстрируют названия важнейших десигнатов в рамках материальной и духовной культуры»⁷ [11, ч. 1, с. XVII]. К названиям мифологических персонажей даются былички (см. DUCH «вампир»; LATANIEC «пугающий светящийся ночной дух»); обрядовая терминология и хронимики сопровождаются текстами с описанием календарных и семейных обрядов и обычаев (см. POGRZEB, WESELE, WIELGANOC, WILIA и др.).

Этнолингвистический фрагмент в современном диалектном словаре не заменяет толкование, которое, как правило, бывает подробным (энциклопедическим) в случае интерпретации малознакомой лексики традиционной народной культуры: BOCIAN [...] 2. «одна из масок, ряженый, с которым ходят по селу в период Рождества, Нового года и масленицы» [...]: «перед масленицей это ходили, так рядились в медведя, ехали верхом, ходили со звездой, аистов делали, все забирали, и это нужно было выкупать» [13, I, с. 198]. В более ясных случаях используется краткое определение значения слова, что повышает требования к иллюстрациям для лексики традиционной народной культуры. Здесь предпочтение должно отдаваться умелому сочетанию обеих частей интерпретационной части словарной статьи, например: BABOJEDZA [...]; 2. «колдунья, ведьма» [...]: «она легла на лопату, а этот хлопец — бац! в печь и дверки закрыл, и сказал: „Получила, баба яга, я тебе покажу!“» [13, I, с. 138]. В качестве этнокультурного контекста в иллюстрации дается фрагмент сказки.

Как уже было сказано, наиболее удачно фольклорно-этнографическая интерпретация диалектной лексики представлена в словарях Б. Сыхты. В Предисловии к «Словарю кашубских говоров на фоне народной культуры» (далее — SGK) Б. Сыхта выражает мысль о том, что в сущности каждый диалектный словарь обслуживает фольклор и этнографию в целом. При этом автор подчеркивает, что народная культура кашубов относится к теме его работы, о чем свидетельствует название словаря [21, I, с. XXI]. Сознательное «вторжение» в область фольклора и этнографии во многом обусловлено тем, что Б. Сыхта был доктором этнографии, досконально знал материальную и духовную культуру Поморья. В его работе совместились взаимодополняющие планы одного целого: освещение этнографического и лингвистического аспектов культурных явлений.

Объясняя способ толкования заглавных слов в словаре, Б. Сыхта, как и авторы многих других славянских диалектных словарей, отмечает определенные категории лексем, требующих включения этнографических сведений в различной форме: «более подробных комментариев и примеров употребления с точки зрения этнографии [...] требовали названия, обозначающие различных демонических или полудемонических персонажей, названия обрядов, обычаев, народного права, пицци, одежды, инструментов, строительства и т. п.» [21, I, с. XX]. Однако заглавные слова в SGK и «Словаре Кочевья на фоне народной культуры» [22] рассматриваются не только как лексемы, входящие в определенную систему, но и как обозначения маркированных в народной духовной культуре понятий, образов, представлений. Новым приемом в интерпретации диалектной лексики является введение в словарную статью тематического членения

⁷ В свете этнолингвистических тенденций современной польской диалектной лексикографии вряд ли можно согласиться с рецензентом словаря Х. Гурновича [20] об отсутствии необходимости помещения в словарь данных текстов.

(рубрикации) фольклорно-этнографического материала. Фольклорно-этнографическая обработка сопровождается большим числом лексем, обозначающих естественные реалии и объекты материальной культуры. В SGK сюда входят названия диких и домашних животных (см. KRET «крот», LIS «лисица», VILK «волк», ZAJC «заяц», KOŇ «конь», KOT «кот», PES «собака» и др.); пресмыкающихся (ŽABA «лягушка», ŽŇIJA «змея» и др.); насекомых (BĤMĀL «шмель»; PŠČOLA «пчела» и др.); диких и домашних птиц (GAPA «ворона»; BOČON «аист»; JASK'ULĚCA «ласточка»; KURA «курица»; KAŠKA «утка» и др.); деревьев и растений (OSKA «осина»; BŇŮZKA «береза»; BES «сирень»; BĚLĚC «полынь»; GŘIB «гриб»; LEN «лен»; BŮB «боб» и др.); природных и метеорологических явлений (KAM «камень»; OGŇN «огонь»; VODA «вода»; ZEŤA «земля»; SLŇNCE «солнце»; MRŮZ «мороз»; VĀTER «ветер» и др.); времен года, суток, дней недели (NOC «ночь»; ZEŇ «день»; ŇEZELA «воскресенье» и др.); локативов (GRAŇCA «граница»; MORE «море»); частей тела человека (NOGA «нога»; OKO «глаз»; UXO «ух»; VĽOS «волос»; ZŮB «зуб» и др.); болезней (ROŽA «рожа»; KALTŇN «колтун»; XOLĚRA «холера»); состояний человека (например, SEN «сон»); занятий и профессий (KSŮZ «священник»; GUSLĀŇ, GROTA «гусляр»; ŽĀLNĚŇ «солдат» и др.); национальной и социальной принадлежности (KAŠĚBA «кашуб»; ŽID «еврей»; ŠLAXČĚC «шляхтич» и др.); определений цвета (например, заглавные слова с семантической доминантой «белый»; «черный»); названия одежды и обуви (KOŠELA «рубашка»; BUKSE «штаны»; BŮT «ботинок»); пищи (MLEKO «молоко»; JAJE «яйцо» и др.); хозяйственных орудий и утвари (GRABLE «грабли»; PLUG «плуг»; MOTĽA «веник»; K'OPŇNKA «вид посуды» и др.); частей дома (PES «печь»; OKNO и др.).

Для каждого из указанных разрядов лексики существуют общие или типологически сходные рубрики, хотя об их полном единообразии говорить нельзя, поскольку рубрикация зависит от конкретных «мифологем» (комплекса определенных народных представлений о реалии). Словарные статьи, посвященные названиям и мифологемам животных, птиц, пресмыкающихся, помимо рубрик «Верования», «Суеверия», «Магия», традиционных для всех отмеченных нами разрядов лексики, могут включать такие разделы, как «Кульť [...]» («культ пчелы», «культ ласточки», «культ собаки», «культ коня»; см. PŠČOLA, JASK'ULĚCA, PES, KOŇ) или «Следы тотемизма» (см. ŽABA); «Подражание голосу» (см. PES, GAPA, JASK'ULĚCA) или «Голос [...]» (см. KURA, ŽABA); «Народные познания», где описываются фантастические свойства зверей (ŽŇIJA), необычайное происхождение (KRET, VILK); «Народная ветеринария», «Народная медицина» (об использовании в народной медицине животных или частей их тела, а также о способах лечения от укусов этих животных см., например, ŽŇIJA, PES). Многие рубрики указывают на фольклорные жанры произведений, в которых используется описываемое слово и образ, например, статья ZAJC включает рубрики: «Сравнения и обороты», «Колыбельная», «СТИшок», «Загадка», «Сказка».

Мифологемы растений чаще интерпретируются с помощью разделов «Верования», «Народная медицина», иногда — «Роль в обрядах» (LEN). Широко привлекается рубрика «Orowiešć», включающая повествовательные фольклорные жанры разного типа: анекдотические (например, о наивности соседей в статье B'UKVĽITA «гречка»), этиологические (о происхож-

дении «шва» на зерне боба, см. BŮB) и даже сказки (например, о «вершках» и «корешках» в статье BULVICE «плети картофеля»).

Распространенной в интерпретации мифологем природных явлений становится рубрика «Культ [...]» («культ солнца», «культ огня», «культ воды», «культ земли»; см. SLŮNCE, OGIN, VODA, ZEMA). Интересны фольклорно-этнографические сведения о происхождении объектов природы, обозначенные как «Народная геология» (см. BURŠTIN, GŮRA, JEZORO, MOŘE) и «Народная астрономия» (см. ZEMA).

Словарные статьи, относящиеся к названиям частей тела человека (они могут быть очень обширны за счет рубрики «Сравнения, обороты, пословицы»), помимо ожидаемой рубрики «Народная медицина», включают и более узкие: «Народная стоматология» (ZŮB), «Народная косметика» (NOGA). Многочисленны и традиционные разделы: «Верования и суеверия», «Суеверия», «Гадания».

Рубрики статей к названиям болезней в основном сводятся по тематике к двум общим: «Причины» и «Способы лечения». В разделах «Верования», «Суеверия» описывается внешний облик персонифицированной болезни, предохранительные магические действия и т. п.

В качестве типичных рубрик словарных статей к названиям занятий и профессий человека, национальной и социальной принадлежности выступают те, которые указывают на виды фольклорных жанров: «Анекдот», «Юмореска», «Быличка», «Сказка». Реже встречаются «Суеверия и верования» (например, KSŮZ).

Рубрики словарных статей, описывающих мифологемы одежды, обуви, утвари, хозяйственных орудий, достаточно разнообразны. Здесь встречаем широкий функциональный спектр: «Загадки», «Верования», «Обычай», «Гадания», «Повествование» (обычно — своеобразное «житие» вещи).

Статьи, посвященные названиям дома и частей дома, наряду с разделами, относящимися к духовной культуре, включают раздел «Строительство», представленный с точки зрения народной материальной культуры (см. OKNO, JIZBA).

SGK содержит огромный корпус собственно обрядовой и мифологической (демонологической) лексики. По объему информации многие статьи не уступают этнографическим описаниям: GŮAZDKA в значениях «сочельник», «рождество»; VESELE «свадьба»; DRUŽBA «староста на свадьбе»; POGRĚB «похороны»; SMĚRC «смерть»; TRUP «покойник»; TRĚMA «гроб»; BAKS в значении «последний сноп»; DJABEL «дьявол»; Č'AROVŇIC «ведьма»; ČARNOKSAŽŇIK «ведьмар, живущий в городе»; OPI «вампир»; MORA «душа человека, принимающая различный облик»; DĚŠA NA POKUCE «бродячий покойник»; BOROVI (Borova Cotka) «лесной (лесная тетка)»; BOR'ŮVC «лесной демон»; RED'UNICA «русалка»; SMOK «змей». Насыщенность этих статей языковым и фольклорным материалом позволяет говорить об их ярко выраженном этнолингвистическом характере. В них также применяется прием рубрикации, служащей, например, для обозначения последовательности обрядовых действий (POGRĚB, VESELE), указания на верования и суеверия (связанные с обрядовыми реалиями), для выделения фольклорных жанров и устойчивых словесных клише.

Аналогичные способы представления диалектных слов применяются Б. Сыхтой в «Словаре Кочевья...» [22]. Фольклорно-этнографическая характеристика заглавных слов, реализуемая с помощью рубрикации,

сопровождает не только обрядовую и демонологическую терминологию (например ADVANT «адвент»; BESTIJA «злой дух, дьявол»), но и такие слова, как ABĚCADLO «алфавит»; AGLEŤE «опавшая хвоя»; AGŇĚŠKA (женское имя); ALEKS (мужское имя); BAŇA «тыква»; BARAN «баран»; BAS (музыкальный инструмент); BAT «кнул»; BIK «бык»; BOČÓN «аист»; BOR «большой густой лес»; BOSO «босиком»; BRAT «брат» и т. д. К сожалению, Б. Сыхта смог довести подготовку словаря к печати только до буквы Š, поэтому после кончины автора (1982 г.) материал третьего тома (1985 г.) обрабатывался научным редактором Х. Поповской-Таборской [22].

Особого внимания в словарях Б. Сыхты заслуживает вопрос соотношения «общих» и «частных» статей. Обобщающие статьи в SGK, такие, как ZVEŘA «звери»; ŘEBA «рыба»; XOVA «домашний скот и птица»; DŘEVO «дерево»; KWIAT «цветок»; XOROBA «болезнь», а также POGŘEB, VESELE, GŮVZDKA, являются опорными для ряда статей, посвященных мифологемам отдельных зверей, птиц, деревьев, болезней или описанию обрядовых референтов. В опорных статьях сосредоточена общая и достаточно подробная информация о месте данного круга мифологем (или обрядовых референтов) в системе духовной культуры народа.

Статья ZVEŘA состоит из одного большого раздела «Кульť зверей», который помещается после диалектных названий-опозиций домашних и диких зверей. Общее вступительное замечание раздела касается сохранения следов старого культа животных в сказках, преданиях и верованиях, поскольку арханческий пласт вскрывает причины, вследствие которых многие животные, наряду с птицами, занимают видное место в кашубских обрядах и магии [21, VI, с. 258]. В последующем тексте статьи содержатся существенные для понимания роли животных в духовной культуре кашубов темы: (1)⁸ речь зверей (домашних — в ночь на Рождество, диких — в ночь перед св. Яном); (2) попытки людей услышать в криках зверей осмысленные звуковые комплексы; (3) роль домашних животных в семейных обрядах, верованиях, символике снов; (4) чудесная сила животных при обращении несчастий (с примерами); (5) навлечение болезнй животными; (6) животные — предвестники смерти (с примерами); (7) «хлебные» и другие демоны в облике животных; (8) обрядовое ряжение молодежи в животных и его значение; (9) лекарственные средства животного происхождения; (10) обычаи, связанные со скотоводством; (11) взаимоотношения между домашними животными и членами семьи (в качестве примера приводится анекдот). Почти все выделенные нами темы текста статьи сопровождаются ссылками на словарные статьи, посвященные отдельным животным или функциональным сферам активизации мифологемы (обряды, состояния, демонологические персонажи и т. п.): к (1) — *gŭvzďka* в знач. «сочельник», *žňija* «змея»; к (2) — *hija* «конь», *mrŏz* «мороз», *řes* в знач. «собака», *gqs* в знач. «гусь», *gŏser* в знач. «гусак», *gula* в знач. «индюшка», *kľos* в знач. «колос», *kur* в знач. «петух», *kura* в знач. «курица», *zqzet* «дятел»; к (3) — *kŏň*, *řes*; *sen* в знач. «сновидения»; к (4) — *kot*, *kret* «крот»; к (5) — *xoroba* «болезнь»; к (6) — *šňěrc* «смерть»; к (7) — *ŏvsni kŏň* «хлебный демон в виде коня» под заглавным словом KŌŇ, *bula* в знач. «хлебный демон в виде быка»; *morskā panna* под заглавным словом MORSKĪ «морской», *red' uňica* «русалка»; к (8) — *z'apustě*

⁸ Нумерация тем принадлежит автору настоящего обзора. Текст статьи представляет собой нерасчлененный рассказ со ссылками на частные статьи.

в знач. «масленица», *beselė* «свадьба», *gŏdzdka* в знач. «святочная колядующая процессия»; к (11) — *B'ělāce* (название жителей определенной местности), *tova* в знач. «домашние животные» [21, VI, с. 258—259]. Е. Тредер в рецензии на SGK справедливо отмечает, что многочисленные отсылки в словаре относятся не только к словам и выражениям, но и к информации о «десигнатах» или связанным с ними фактам народной культуры [23, с. 225].

SGK представляет собой достаточно полное описание традиционной народной культуры кашубского края, сделанное на богатом языковом материале. Многочисленные сравнения, обороты, пословичные выражения и др. языковые клише, оформленные в виде постоянных рубрик: «Сравнения, обороты, пословицы», «Сравнения», «Обороты» и т. п., имеют непревзойденную ценность во многих аспектах. Они существенно дополняют этнографический и фольклорный материал, а с другой стороны, сами могут стать объектом этнолингвистического анализа. Это богатый языковой материал для исследования процессов метафоризации, образности живой народной речи, процессов, опирающихся на мифопоэтические представления народа, см., например, такие выражения, как *oženić są z b'atŏ* «умереть» (букв.: «пожениться со смертью») под заглавным словом *B'ĀĻĀ* «смерть»; *tes bŏčka* или *posęc bŏčka (v keseñi)* «быть счастливым» (букв.: «иметь мушку» или «носить мушку в кармане») под заглавным словом *BOŖK* в значении «талисман в облике насекомого»; *zejsłac kŏcimi ċ'ŏrněgŏe złŏcra* «отомстить» (букв.: «послать кому-нибудь черного мужика») под заглавным словом *SARNI* в знач. «злой, недобрый»; *ona są gŏrcŏu 'obzarła* или *gŏrcŏ jŏ raċi* «забеременела вне брака» (букв.: «она объелась гороху») или «горох ее раздувает») под заглавным словом *GROX* «горох»; *ċar'ovnica są źmeje* «солнце после дождя» (букв. «ведьма смеется»); *djŏbel vĕprŏŏd zŏrustĕ* «дождь со снегом» (букв.: «дьявол правит масленицу») под заглавным словом *DJABEĻ* «дьявол» и т. п. Подобный материал успешно используется при реконструкции архаических элементов народной духовной культуры, тем более, что в слове надолго закрепляются те ее фрагменты, которые в реальности давно исчезли. В плане интерпретации мифологемы (или обрядового объекта) презентация устойчивых словесных клише играет немаловажную роль, практически такую же, как этнографические описания и собственно фольклорные тексты. Взаимосвязь всех трех элементов (языкового, этнографического и фольклорного) — характерная черта словарей Б. Сыхты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С. М. Современное состояние польской диалектологии // Советское славяноведение. 1973. № 5.
2. Толстой Н. И., Толстая С. М. Д. К. Зеленин — диалектолог // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979.
3. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Актуальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983.
4. Терновская О. А. Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 47—58.
5. Słownik gwar polskich. Zeszyt próbny. Wrocław, 1964.
6. Słownik gwar polskich. T. I. Zesz. 1—3. Wrocław, etc. 1979—1982; T. II. Zesz. 1—3. 1983; T. III. Zesz. 1. 1989.
7. Карась М. Словарь польских говоров // ВЯ. 1963. № 4.
8. Nitsch K. Recenzja Słownika gwar polskich J. Karłowicza // Pisma dialektologiczne. Wrocław; Kraków, 1958.

9. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 304.
10. Толстая С. М. О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // Общеславянский лингвистический атлас. 1982. М., 1985.
11. Górnowicz H. Dialekt malborski. Słownik. T. II. Zesz. 1—2. Gdańsk, 1973—1974.
12. Steffen W. Słownik warmiński. Wrocław, 1984.
13. Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Masur. T. I. Wrocław etc., 1987.
14. Brzeziński W. Słownictwo krajniackie. Słownik gwary wsi Podróżna w Złotowskiem. T. I—II. Wrocław. 1982—1987.
15. Keraś M. Uwagi na marginesie Słownika gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur // Język polski. 1974. T. LIV. № 2.
16. Kucala M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
17. Dubisz S. Nazwy roślin w gwarach ostródzko-warmińsko-mazurskich // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1977.
18. Barska-Antoś D. Odzież // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1980.
19. Bień-Bielska H. Wierzenia a obrzędy // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1959.
20. Zagórski Z. // Slavia Occidentalis. 1976. T. 33. S. 177. Rec.: Górnowicz H. Dialekt malborski. T. II: Słownik. Zesz. 2: P — Z. Gdańsk, 1974.
21. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I—VII. Wrocław etc. 1967—1976.
22. Sychta B. Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. T. I—III. Wrocław etc. 1980—1985.
23. Treder J. // Rocznik Gdański. 1979. T. XXXIX. Zesz. 1. Rec.: Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I—VII. Wrocław etc. 1967—1976.